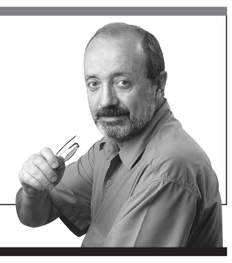
РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ/www.rusfond.ru

● **Чтобы восстановить** Катины пальцы, достаточно 654 150 рублей

Лекарства с добавкой



Лев Амбиндер
руководитель Российского фонда помощи

В конце прошлой недели 12-летней Хатии Гвинджилии начат четвертый курс химиотерапии в НИИ детской онкологии и гематологии Онкоцентра им. Блохина (Москва). Врачи уверены, что спланированная для девочки программа лечения теперь хорошо подстрахована наиболее эффективными дефицитными лекарствами. Наши читатели собрали 958 055 руб., узнав о беде этой девочки (см. „Ъ“ от 28 августа, заметка «Ловец сепсиса»). Хатии требовалось денег даже меньше. По решению заведующей отделением НИИ Надежды Ивановой на «лишние» 230 255 руб. будут куплены препараты для 12-летней москвички Насти Левченко, у нее остеосаркома левого бедра.

Надежда Иванова рассказывает: «Хатия поступила к нам в крайне запущенном состоянии. Но она девочка стойкая и держится молодцом. После четвертого курса химиотерапии будет еще пятый, потом облучение и уж затем трансплантация костного мозга. Это большое счастье, что теперь у Хатии есть абсолютно все необходимые препараты».

И еще новость: из США вернулся домой, в город Бийск Алтайского края, 13-летний Виталий Волосников. У него был целый набор сердечных диагнозов: гипертрофическая кардиомиопатия, субаортальный стеноз, недостаточность митрального клапана. Наши партнеры — томские кардиологи собирались оперировать мальчика у себя. Один из наших постоянных доноров уже оплатил эту операцию (151 196 руб.). Но ввиду особой сложности порока томичи дождались приезда бригады американских кардиохирургов („Ъ“ уже рассказывал об этой экспедиции волонтеров американской программы «От сердца к сердцу»). Вместе они решили перенести операцию в детский кардиоцентр под Нью-Йорком, где она благополучно и состоялась 21 августа. В ней участвовал томский хирург Евгений Кривощеков. Все расходы, включая перелеты, взял на себя наш партнер в США — фонд «Русский дар жизни». А на деньги, собранные для Виталия, в Томске на днях оперируют 15-летнюю Свету Петухову из Томской области.

Хатия Гвинджилия и Настя Левченко получили от читателей „Ъ“ хорошие шансы на спасение, а Виталий Волосников свой шанс уже реализовал в Нью-Йорке ФОТО АЛЕКСЕЯ КУДЕНКО, ДМИТРИЯ ДУХАНИНА

Вот еще что удалось сделать за две последние недели.

Оплачены: операции по поводу врожденных пороков сердца Аиде Даливаловой (7 лет, 186 600 руб., Томская обл.), жителям Якутии Денису Никулину (2 года, 151 196 руб.) и Иванне Алексеевой (7 лет, 186 600 руб.); операции по поводу сколиоза Наташе Фоминой (12 лет, 185 384 руб., Челябинская обл.), Наде Заболотских (15 лет, 65 265 руб., Кировская обл.), Наташе Носовой (14 лет, 65 265 руб., Санкт-Петербург), Алеше Кашуре (18 лет, 173 060 руб., Приморский край), жителям Казахстана Замире Дасетовой (15 лет, 173 060 руб.) и Виолетте Тупице (14 лет, 173 060 руб.); лечение детского церебрального паралича Лере Зоткиной (2 года, 162 500 руб., Новосибирская обл.), братьям Саше и Игорю Кузнецовым (13 и 12 лет, по 184 тыс. руб., Свердловская обл.); челюстно-лицевые операции ставропольцам Славе Саркисяну (4 года, 192 тыс. руб.) и Наташе Абонеевой (10 лет, 180 тыс. руб.), а также Тане Будковой (16 лет, 149 500 руб., Московская обл.).

Отправлено: 240 100 руб. на аутотрансплантацию костного мозга в минском медцентре Артемию Львову (18 лет, опухоль головного мозга, Чувашия); 183 550 руб. на ортопедические приспособления «Доспехи» Инне Безбородовой (24 года, нейрофиброматоз, Тульская обл.); 160 тыс. руб. на лечение Алеше Головачеву (15 лет, черепно-мозговая травма, Санкт-Петербург); 108 500 руб. на мебель и одежду Светлане Ткаченко (26 лет, безработная мать-одиночка, двое детей, Архангельская обл.); 69 760 руб. на слуховые аппараты Тане Малевой (13 лет, Московская обл.); 49 250 руб. на бытовую технику семье Татьяны Овсянниковой (40 лет, инвалид 2-й группы, Белгородская обл.); 195 тыс. руб. на электроколяску Алексею Колычеву (60 лет, инвалид 1-й группы, Московская обл.).

Помогли: благотворительный фонд «Русский дар жизни», Марина (США), Виктория от руководителя, Алексей и Анна, Сергей, Лариса от руководителя (все — Санкт-Петербург), Айрат (Казань), Виталий (Екатеринбург), Равиль (Тольятти Самарской обл.), Инесса (Алексин Тульской обл.), ОСАО «Ингосстрах», ЗАО «Русь-банк» и сотрудники банка, благотворительный фонд «Джойнт», сотрудники компании «Диасофт», Герман, Андрей, Павел, Борис Николаевич, Марк Анатольевич, Виктор, Марина Геннадьевна, Александр Викторович, Анна, два Александра, две Натальи, Ираклий, Валерий Геннадьевич, Оксана, Владимир, Марина Викторовна, Евгения, два Алексея, Антон от компании, две Марии, два Дениса, Евгений, Петр, Николай Александрович, Игорь Сергеевич, Жанна, Николай, семья Липатовых, Роман, Светлана и Александр, две Ольги, Гаянэ, Константин, Галина Петровна, Екатерина и Игорь (все — Москва).

Спасибо!

Объясняем на пальцах

Двухлетней девочке нужна сложная операция

Кате Тяшко два с половиной года, и у нее нет пальцев на руках. Или почти нет. Пальцы сросшиеся и деформированные. От рождения. А у Катиных родителей нет денег. Они из Приднестровья. И нет такой страны, которая должна заплатить за операцию, чтобы у девочки на руках были пальцы.

Мы сидим с Катей на полу в прихожей крохотной хрущевки и пытаемся завязать шнурки на ботинках. Это такая игра. Катя говорит, что умеет завязывать шнурки. Она вообще очень бойкая и веселая девочка. Как только я вошел, Катя показала мне плюшевую собаку с длинными ушами и объяснила, что собака может махать ушами как крыльями, но летать не может. Еще Катя сказала, что у нее специально для меня есть торт. Потом взяла меня за руку (это очень странное чувство, когда ребенок без пальцев берет тебя за руку), повела на кухню (на крохотную кухню в хрущевке) и торжественно показала мне торт на столе (половинку вафельного торта).

Мы пили чай, и Марина, Катина мама, рассказывала, что в роддоме в этом состоянии послеродовой эйфории как-то не обратила внимания, что новорожденную девочку ей показали уже запеленутой. Марина работает акушеркой. Она должна знать, что детей сначала показывают и только потом пеленают. Но не обратила внимания. И еще почти сутки, пока ребенка не принесли кормить, не знала, что на правой руке у ее девочки пальцы срослись вместе, а на левой руке срослись в кулачок.

Когда Марина увидела, какие у ее дочери руки, она очень плакала, а коллеги-врачи успокаивали ее в том смысле, что медицина теперь добилась невероятных успехов и наверняка девочке смогут сделать какую-нибудь удивительную операцию.

Но только не в Приднестровье — ей этого не сказали — только не в Приднестровье. И ни в какой другой стране, потому что никакая страна не станет оперировать иностранного ребенка бесплатно.

Два месяца Марина искала врача, который хотя бы проконсультировал девочку, и нашла в Киеве. Киевский хирург госпитализировал маленькую Катю тайно и тайно сделал ей операцию, потому что, если бы стало известно, что в больнице прооперирована иностранная девочка, пришлось бы платить. А денег не было. А операцию надо было делать срочно, потому что к трем месяцам у младенцев развиваются хватательные рефлексы и Катя стала бы катастрофически отставать в умственном развитии, если бы киевский доктор не отделил ей большие пальцы и не разжал бы кулачок на левой руке.

Теперь Катя, кажется, нисколько не отстает в развитии. Ей всего два с половиной года, а мы уже сидим с ней на полу в прихожей и завязываем шнурки. Девочка смешно пыхтит, пытаясь перекинуть один шнурок через другой, чтобы получился узел, но узел все не получается, и Катя говорит мне:

— Помоги.

Я помогаю ей. Совсем немного. Только перекинуть шнурок. Дальше она уже завязывает узел сама.

Катя очень самостоятельная, потому что ходит в детский сад. Ее мама Марина говорит:

— Я боялась, что она вырастет и потом к ней никто уже не захочет привыкать. Поэтому отдала ее в детский сад сразу, как только это было можно.

Детки в садике были такие маленькие, что вовсе не обращали внимания на то, какие у Кати пальцы. А когда подросли, то не обращали внимания уже потому, что привыкли. Кате нравится ходить в садик. Ее там никто не обижает ФОТО ИЛЬИ ПИТАЛЕВА

Детки в садике были совсем маленькие, такие маленькие, что вовсе не обращали внимания на то, какие у Кати пальцы. А когда подросли, то не обращали внимания уже потому, что привыкли. Кате нравится ходить в садик. Ее там никто не обижает. Она там научилась сама есть и сама одеваться. Только вот шнурки пока даются с трудом. Впрочем, в ее группе никто еще не умеет завязывать шнурков. Я говорю:

— Кать, теперь будем завязывать бантик. Умеешь?

— Умею,— кивает Катя, уверенно принимаясь за совершенно уж недоступную для ее рук манипуляцию.

Я только совсем чуть-чуть помогаю ей. В четыре руки мы завязываем бантик, и Катя торжественно и совершенно самостоятельно его затягивает. Один ботинок надет. Теперь ту же самую игру, играя в которую мне хочется повеситься, надо повторить на другом ботинке.

Мы завязываем шнурки вместе. Наши пальцы соприкасаются. Катины пальцы холодные, влажные и сладкие, потому что она только что ела торт и облизывала руки. Я украдкой целую Катину руку. Сентиментальный идиот! Это не помогает!

Катина мама говорит, что девочке нужна операция. Она говорит, что в Ярославле есть доктор, который готов восстановить или почти восстановить Катины пальцы. И может быть, пересадить недостающий палец с ноги. Во всяком случае, этот доктор берется наладить Кате пальцы так, чтобы они могли адекватно двигаться. Это надо делать быстро еще и потому, что от мелкой моторики пальцев очень зависит развитие ребенка.

— Все,— говорит Катя.— Шнурки завязали. Пойдем гулять.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Для спасения Кати Тяшко не хватает 654 150 руб.

На этот раз мы предложили вам необычную историю. Обычная для Российского фонда помощи история — это когда публикация по жизненным, как говорят врачи, показаниям. Вложился ты — и спас. Не вложился — как говорится… Правда, в наших историях обычно всегда находится кто-то другой (как бы не сглазить!!!), кто заметит, проникнется — и спасет. Чаще это спаситель коллективный. Но бывает, когда наоборот: спасает один человек или одна компания.

Так вот, физически жизни двухлетней Кати Тяшко ничего не угрожает. Без нас с вами Катя жизни не лишится. Но что это будет за жизнь? По словам главврача Ярославской больницы скорой помощи Александра Дегтярева, если не вмешаться, то Катя с такими кистями, какие у нее сейчас, никогда не сможет взять в руку чашку, не сможет писать «от руки». Даже расписаться. Ни левой, ни правой: «она никогда не сможет выполнять точные и щипковые движения». Причем деформации Катиных кистей в будущем будут только нарастать. Это объясняется просто: неработающие мышцы атрофируются. А недоразвитые и нефункционирующие пальцы и мышцы, отвечающие за сгибание и разгибание этих пальцев, «приведут к значительным диспропорциям рук». Проще говоря, к уродству.

Можно с этим жить? Можно: ежегодно в России 20 тыс. взрослых граждан получают протезы кистей рук. Это декоративные протезы, протезы-«перчатки».

Так вот, ярославцы берутся полностью восстановить Кате функции трех пальцев левой руки и всех пяти — на правой. Вряд ли у взрослой Кати будут руки топ-модели. Но главврач Дегтярев говорит: «Мы гарантируем, после наших операций Катя сможет отлично пользоваться руками в быту и на работе, выполнять манипуляции практически любой сложности».

Спасение Кати Тяшко обойдется в 934 500 руб. Как всегда, $10,5 тыс. внесет наш постоянный партнер, инвестиционная группа «Капиталъ» (подробности на сайте www.rusfond.ru). То есть еще не хватает 654 150 руб. Пожертвования можно перечислить в Ярославскую больницу скорой помощи и на московскую сберкнижку мамы Кати Марины Тяшко. Любые суммы будут с благодарностью приняты. Банковские реквизиты есть в фонде.

ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Доноры и их дети встретились в Германии

В прошлом месяце бывшие пациенты Института детской онкогематологии, дети, которым была проведена неродственная трансплантация костного мозга, ездили в Германию встречаться со своими донорами. Считается, что если в течение двух лет после трансплантации рак крови не вернулся, значит, ребенок выздоровел. Значит, можно встречаться с донором, который до полного выздоровления не знает, кому дарил свой костный мозг.

Регистр доноров костного мозга имени Штефана Морша (молодого человека, погибшего от рака крови) располагается в крохотном городке Биркенфельде на юге Германии. Создали регистр родители Штефана. Это было последним желанием их сына. В регистре более 300 тыс. потенциальных доноров, но чтобы найти среди них донора, подходящего конкретному ребенку, больному раком крови, требуется провести десяток типирований, сложных анализов, ради которых при регистре существует современная лаборатория.

Обычно эти анализы обходятся в €5 тыс. Подобрать удается около 200 доноров в год, с каждым годом все больше. Забрать у донора костный мозг стоит еще €10 тыс., включая затраты клиники, проезд и проживание донора, страховку. Приблизительно половина трансплантаций проходит успешно. Но когда проходят заветные два года и ребенок считается выздоровевшим от рака крови, не все доноры выражают желание встречаться со своими реципиентами и не все реципиенты хотят ехать в Биркенфельд знакомиться с донорами. Доноры часто отказываются встречаться с детьми, которым спасли жизнь, потому что боятся полюбить этих детей навсегда. Родители детей, перенесших трансплантацию, иногда отказываются знакомиться с донором, потому что не знают, как благодарить совершенно незнакомого человека, который спас жизнь их ребенку.

Для тех доноров и реципиентов, которые все же хотят познакомиться друг с другом, фонд Штефана Морша раз в году устраивает праздник.

В этом году из Москвы в Биркенфельд поехали трое детей: Вадик Маркунин, Алена Мякотина и Игорь Оболенский. Всей троице деньги на трансплантацию собрали читатели „Ъ“. Эта встреча с донорами происходила в столовой Биркенфельдской клиники. Была отгорожена половина зала, и на столах был расставлен кофе в термосах и пирожные. Первыми пришли дети. Они расселись за столами, стали есть пирожные и ждать, когда придут их доноры. Дети выглядели торжественно, и только Вадик Маркунин выглядел несчастным: он слишком набегался накануне, и у него болели мышцы ног. Он маленький. По-хорошему Вадика следовало бы отвести в гостиницу и уложить спать, но, к сожалению, именно Вадиков донор, молодой человек по имени Андреас опоздал на поезд и оттого задерживался дольше других.

В больничной столовой были еще пациенты из разных стран. И доноры тоже приезжали из разных стран. И первой пришла женщина, которая была донором Игоря Оболенского. Она сказала, что не очень бы хотела разговаривать с журналистами про то, что чувствует, встретившись с ребенком, которому спасла жизнь. И я не стал к ней приставать. Она, Игорь, мама Игоря и переводчица сидели в углу за столиком, разговаривали о чем-то и смеялись.

Потом пришла молодая женщина по имени Беттина. Она была так похожа на Алену Мякотину, что все сразу догадались, что она донор Алены Мякотиной. Никому из нас, врачей и журналистов, приехавших в Биркенфельд, почему-то не приходило в голову, что если у людей ДНК похожи настолько, чтобы можно было трансплантировать органы, то и сами люди похожи друг на друга.

Беттина смеялась и была отчетливо счастлива. Она рассказала, что училась в университете на юриста, что кто-то из ее однокурсников заболел лейкозом и они всем университетом сдавали анализы в надежде, что кто-то подойдет товарищу в доноры костного мозга. Но никто не подошел. А через несколько лет Беттине позвонили из регистра и сказали, что она подходит девочке из России.

— Больше мне ничего не сказали,— щебетала Беттина.— И теперь я так рада, что могу увидеть эту девочку, и все хорошо, и я кому-то нужна!

Все дети в больничной столовой давно уже болтали со своими донорами, когда открылась наконец дверь и вошел Андреас, донор Вадика Маркунина. Андреас и Вадик были похожи, как бывают похожи отец и сын. Русскоговорящая официантка даже подошла к Вадику и, наклонившись над ним, сказала:

— Что ты грустишь, малыш? Бери папу и иди за мороженым. Вот там в углу его дают сколько угодно.

Вадик мрачно молчал. Впрочем, через пару минут Андреасу удалось завоевать дружбу своего маленького реципиента. Это стоило игрушечного экскаватора и плюшевого зайца.

— И все-таки не обязательно, чтобы доноры были похожи на реципиентов,— шепнул мне профессор Масчан, функция которого здесь заключалась в том, чтобы подойти к донору, сказать, что он доктор, лечивший ребенка, и поблагодарить.— Не обязательно они похожи. Вот же Игорь Оболенский совсем не похож на своего донора.

Через минуту в столовую вошли дети той женщины, которая была донором Игоря. Мальчик и девочка. Они ходили гулять. Они были похожи на Игоря, как брат и сестра.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Из свежей почты

Ксения Ямских, 17 лет, гемигипертрофия костей черепа, требуется этапное хирургическое лечение. 125 000 руб.

Ксюша родилась с ярко выраженной деформацией лица, правая половина лица больше левой. Две операции на мягких тканях, сделанные в горбольнице, не дали ничего, кроме шрамов. Наши врачи от Ксюши отказались: случай редкий. И мы отправились к профессору Рогинскому. Он сказал, что понадобятся три сложные дорогостоящие операции. И вот одна из них позади. Оплатили ее читатели „Ъ“. От всей души благодарю вас, дорогие наши незнакомые спасители! Ксюше убрали части лобной и скуловой костей. При этом исчез отек под правым глазом, девочка стала лучше видеть. Полгода носит брекеты, подготавливая челюсти для новой операции. Ее назначили на август, но нам не удалось найти нужную сумму. Я преподаю английский в колледже, муж слесарь на предприятии, вдвоем получаем 7,5 тыс. руб. Помогите нам еще раз! *Надежда Ямских, Красноярский край.*

Руководитель Центра детской челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «У Ксении редкое заболевание: одностороннее увеличение костей половины лицевого и мозгового черепа. После операций на лобной кости и на нижней челюсти мы достигнем гармонии. Спасибо вам за помощь этой девочке».

Ира Юрьева, 15 лет, прогрессирующий сколиоз 4-й степени, спасет операция. 69 390 руб.

Началось с того, что у Ирочки одно плечо стало выше другого. Мы, конечно, пошли к врачу, начали лечиться, где только ни побывали. В специальной школе-интернате она жила, в шести больницах лежала. Все методы лечения испробовали, но болезнь прогрессировала. Из-за сколиоза у Иры болит желудок, аномалия желчевыводящих путей. Часто жалуется на сердце, устает. Врачи настаивают на операции, и делать ее нужно скорее. Но на дорогостоящую металлоконструкцию, которая исправит дефект позвоночника, денег у нас нет. Я работаю санитаркой в госпитале, муж токарь. У нас одна комната в коммунальной квартире. И продать-то нечего. Ира спокойная, добрая девочка, любит животных. Хочет стать врачом. Но для этого ей надо сначала вылечиться самой. Помогите нам, пожалуйста! *Наталья Юрьева, Санкт-Петербург.*

Замдиректора Института имени Турнера Сергей Виссарионов (Санкт-Петербург): «Положение очень серьезное. Тяжелая прогрессирующая деформация позвоночника нарушает работу легких и сердца, серьезно страдают другие внутренние органы. Оперировать нужно в ближайшее время».

Резеда Ахмадуллина, 11 лет, нет ушной раковины, атрезия слухового прохода, требуется протезирование. 111 800 руб.

Наша младшая дочка здорова, а вот старшая, Резеда, родилась без правого ушка, с закрытым слуховым проходом. Это полная неожиданность: в родне ничего такого не было. В полгода дочку направили в Институт глазной и пластической хирургии, но там сказали, что надо прежде подрасти. Резеда хорошо слышит только левым ухом. Ходила в детсад, сейчас отличница в пятом классе. В школе не обижают, но ведь девочка растет, скоро девушкой станет. Три года назад в Институте глазной и пластической хирургии (ИГПХ) пытались восстановить ушную раковину, но имплант отторгся. Чтобы оплатить операцию, я завербовался на Север. Теперь появилась новая методика, нам предложили оперироваться, но с вербовкой на этот раз не вышло. В семье работаю один, механизатором на агроферме, получаю 3 тыс. руб. Свинокомплекс, где работала жена, закрыли, а сейчас она ждет третьего малыша. Излишки картошки и овощей с огорода меняем на муку, тем и живем. *Урал Ахмадуллин, Башкирия.*

Хирург, старший ординатор ИГПХ Дамир Мухамадиев (Уфа): «Внешний вид Резеды можно полностью восстановить по новой технологии с помощью титанового импланта, к которому крепится силиконовый протез. Неудача исключена!»

Ваня Васильев, 3 года, ДЦП, задержка психомоторного развития, требуется курсовое лечение. 162 500 руб.
Внимание! Благотворительный фонд «Джойнт» внес 47 000 руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 115 500 руб.

Ваня поздний ребенок, больше детей у нас не будет, и поднять его — смысл нашей жизни. Жена тяжело перенесла три неудачные попытки выносить ребенка. Ваня родился на седьмом месяце беременности с весом 1,8 кг. Месяц в кювезе и еще месяц в больнице на антибиотиках. Затем диагноз: ДЦП и ретинопатия недоношенных (отслоение сетчатки глаза). Лечились в Москве и Питере, но только в Институте медтехнологий (ИМТ) сказали, что Ваня сможет учиться в обычной школе. Сейчас он видит правым глазом, а левым свет различает. Ходит на цыпочках, координация нарушена. Мы осилили четыре курса, а больше денег не найти, я по уши в долгах. Жена дома с Ванечкой, я пенсионер МВД, работаю охранником за 5 тыс. руб. Даже бабушка отдает свою пенсию и старается подработать. Отказываем себе во всем, но это ничего, главное — Ваня заговорил, знает маленькие стишки, лучше ходит. Я долго не решался просить вас о помощи, но курс назначили на сентябрь, а платить нечем. *Сергей Васильев, Москва.*

Врач ИМТ Ольга Рымарева: «Ребенок перенес ишемию мозга, но хорошо отвечает на лечение. Двигательную задержку почти преодолел, речь понимает и говорит фразами, развивается память. Хороший, умненький мальчик. Если им заниматься, Ваня сможет учиться. Родители за него так борются!»

Руслан Федянин, 6 лет, врожденный порок сердца, спасет эндоваскулярная операция. 186 600 руб.
Внимание! Фонд «Русский дар жизни» (США) внес $2500 (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 119 625 руб.

Отец Руслана, как узнал о моей беременности, исчез, а я все девять месяцев пролежала на сохранении. Малыш легко простужался, но причин сниженного иммунитета у нас не нашли. А в четыре года сына укусил клещ. С подозрением на энцефалит его положили в больницу, там и услышали шумы в сердце. Выявлены множественные дефекты и аневризма межпредсердной перегородки. Вылечить Руслана можно щадяще, без сильного наркоза и кровопотери, что очень важно при слабом иммунитете. У мальчика и так синяки под глазами, не то что бегать — ходить без одышки не может, даже в детсад не берут. Конечно, я за новый метод лечения, но чем платить? Я уборщица в продмаге, живу в «двушке» с родителями. Отец слесарит на заводе, мама сидит с внуком. Если б не они, не знаю, что и делала. *Наталия Федянина, Томская область.*

Ведущий специалист НИИ кардиологии НЦ СО РАМН Сергей Иванов: «Руслану показано эндоваскулярное закрытие дефектов с помощью импортного окклюдера, который одновременно укрепит и межпредсердную перегородку. Анатомическое расположение дефектов позволяет избежать операции на открытом сердце. Мальчик будет здоров».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“ и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше $11,9 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат Национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252, г.Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны: (495) 943-91-35, 158-69-04 с 11.00 до 21.00.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».